

К ОРГАНИЗАЦИИ НОТАРИАТА В ГРЕЧЕСКОЙ МЕТРОПОЛИИ

(Надпись IG VII 3172)

Проф. С. А. Лурье

Надпись из Орхомена, сообщающая об уплате Орхоменским¹ государством долга феспиянке Никарете (IG VII 3172), привлекла к себе больше внимания, чем какая бы то ни было другая беотийская надпись. О ней трактуется с большей или меньшей обстоятельностью не менее чем в сорока ученых трудах. После того как в «Berl. Phil. Wochenschrift» за 1893 г., S. 267 появилась рецензия Thalheim'a на изданные Dareste'ом и др. «Inscriptions juridiques grecques», окончательно выяснившая все хронологические вопросы и точно установившая, где начало и где конец каждой из «гиперамерий», текст коих приведен в надписи между учеными появилось единогласие по поводу этого документа² и, казалось бы, нет основания снова возвращаться к нему. Я позволяю себе снова остановиться на этой надписи не только потому, что общепринятый взгляд ошибочен в отдельных подробностях, но и потому, прежде всего, что общепринятое понимание неправильно расценивает организацию нотариата в греческой метрополии по сравнению с греческим Египтом.

Я не разойдусь с принятым в науке взглядом, если изложу общий ход дела так.

¹ Весь сопоставленный здесь материал, поскольку не оговорено иного, относится к Беотийскому союзу III в. до н. э. Города Феспии, Орхомен, Хорсии, Фисбы, Акрефия и др. входили в этот союз, главным городом которого были Фивы. Обще-союзными должностными лицами были 7 беотархов; все основные стороны общественной и хозяйственной жизни регулировались общебеотийскими законами, но, сверх того, в каждом городе циркулировали свои местные законы. Во главе каждого из городов стояли три полемарха.

² Solmsen, Incr. gr. ad. int. dial. sel., 1905 (Teubner) p. 27, возвращается, повидимому, без всяких оснований, к старому до-Thalheim'овскому разделению текста гиперамерий (на 5, а не на 4 гиперамерии). В литературе надписи (p. 25) он не указывает на цитируемую мною статью Thalheim'a, сделавшую эпоху в истории изучения нашего документа. Возможно, что он вовсе не знаком с этой статьей. Теория П. Виноградова, по которой *ὁμόλογα* написана позже *σούγγραφος* (Outlines of Historical Jurisprudence, II, 1922, p. 241 sqq.; Rendic. dei Lincei, 33, 1924, 89), противоречит, как показал Brandileone (ibid., 33, 1923, p. 105 sqq.), контексту *ὁμόλογα* и поэтому несостоятельна. Зато Виноградов прав в споре с Брандильоне, когда считает *σούγγραφος* литеральным экзекутивным контрактом.

В V, VI и VII месяцах (Фие, Гомолое и Филифии), в архонтство Ликиска в Феспиях (III в. до н. э.), Никарета по четырем заемным письмам (*συναλλάγματα*) ссудила Орхоменскому государству последовательно 10 085 $\frac{1}{3}$ драхм, 2 500 драхм, 4 000 драхм и 1 000 драхм. Из того, что первая сумма не круглая, можно заключить, что эта сумма исчислена уже вместе с процентами: это ясно, как мы увидим ниже, и из незначительности процентной прибавки при окончательном расчете с Никаретой. Что касается 2-й, 3-й и 4-й уплат, то, конечно, возможно, что здесь произведен был учет и проценты были высчитаны из общей суммы долга и удержаны Никаретой; однако, ввиду того что при первом займе такого учета не было произведено, мне представляется более вероятным, что в этих случаях нишее Орхоменское государство произвело уплату процентов натурой (например разрешением пасти бесплатно скот на Орхоменских казенных лугах, как в надписи IG VII 3171)¹. Таким образом, весьма вероятно, что по 2—4-му обязательствам и в действительности было взято 7 500 драхм, столько же было взято, вероятно, и по первому обязательству², всего, таким образом, 15 тысяч.

Так как ни в одном из содержащихся в надписи документов срок платежа по этим документам не указан точнее, чем *ἐπὶ Σενοχρίτῳ ἀρχοντος*, т. е. в следующем за архонтатом Ликиска году, и так как все 4 «гиперамерии» не содержат никакого упоминания о сроке уплаты, кроме общей даты *Σενοχρίτῳ Ἀλαλκομενίῳ*, то можно положить, что сроком уплаты по всем обязательствам был установлен следующий за сделкой год, т. е. фактически последний его месяц Алалкомений (вернее, определенное его число, установленное общим законом и соответствующее афинскому *ἐνῆ καὶ νῆα*).

Что представляли собой эти 4 *συναλλάγματα* — простой ли договор, *ἀμολογὰ*, или так называемый «экзекутивный контракт»³ — мы не знаем. Однако из части VI (A) надписи мы видим, что и в Беотии был в ходу особый вид документа *συνγραφοῦ*⁴, заключающий характерную клаузулу экзекутивных контрактов (105/28): *ἐὰν δὲ μὴ ἀποδοῖσι, πραχθήσονται κατὰ τὸν νόμον, ἧ δὲ πράξις ἐστὼ ἐκ τε αὐτῶν τῶν δανεισαμένων καὶ ἐκ τῶν ἐγγύων... καὶ ἐκ τῶν ὑπαρχόντων αὐτοῖς, πρᾶττοῦσθ δὲ ἂν τρόπον βούληται*. От классической клаузулы экзекутивных контрактов эта формула отличается только тем, что вместо *καθ' ἑαυτῶν ἐκ δίκης* мы здесь читаем *πρᾶττοῦσθ δὲ ἂν τρόπον βούληται*, но это очевидно синонимные выражения⁵.

¹ Так же в акрефийской надписи SEG, III, 356.

² Проценты начислены приблизительно 1 $\frac{1}{2}$ —2 $\frac{1}{10}$ в месяц. Точная сумма не получается; повидимому, сюда включена еще небольшая сумма казенных сборов или других накладных расходов.

³ Экзекутивным называется контракт, имеющий силу исполнительного листа, выданного на основании судебного приговора (*καθ' ἑαυτῶν ἐκ δίκης*). Зыскание по такому договору производится в исполнительном порядке, без суда.

⁴ Большинство ученых считает, что *συνγραφοῦ* — специальное обозначение для экзекутивного контракта, например, Foucart, BCH, IV, 10: «*συνγραφοῦ est un contrat ayant force exécutoire*», VIII, 362 ss.: «Les Grecs entendent par syngrapha un acte emportant exécution parée, c'est à dire pouvant être mis à exécution sans jugement à terme échu». Обратный взгляд у Ваксмута («Rhein. Mus.», XL, 1885, S. 205, A. 2).

⁵ Как правильно указал Hitzig—Pfundrecht, S. 65 ff., в клаузулах договоров *πρᾶττεσι*, *ἐμπραχτος* (*κατὰ νόμον*) вообще означает «зыскивать в исполнительном порядке». Иначе эти выражения были бы бессмысленны: ведь право обращаться в суд имеет всякий. Поэтому неправильен взгляд Ваксмута (l. c.). Wenger'a («Arch. für Pap.», II, 52, A. 2), Mitteis'a («Reichsrecht u. Volksrecht», 416, A. 3) и др., согласных ви-

Раз в Беотии был в ходу исполнительный контракт, то ясно, что ввиду своего большего удобства он должен был в бесспорных и простых денежных обязательствах (т. е. не осложненных побочными условиями) вытеснить простой договор, требовавший полной судебной процедуры, как это произошло и в других местах. Таким образом, эти 4 *συναλλάγματα* были, повидимому, «исполнительными контрактами», *συνγραφαί*, и взыскание по ним должно было производиться упрощенным способом, без судебного разбирательства.

Этим мы объясним и то, что с наступлением срока платежа по *συναλλάγματι* в Алалкомении (XII месяц) следующего года (года Ксенокрита) Никарета обращается не в суд, а в какое-то феспийское присутственное место (как мы увидим ниже, в *τετμοφυλάκίῳ*), куда и сдает все *συναλλάγματα* (с этого момента их как бы не существует — они больше не фигурируют в надписи), получая вместо них краткую выписку из казенных книг, *ὀβτεραμερίη*, применяясь к нынешним понятиям — «исполнительный лист». Этим беотийское право выгодно отличается от долгового права других греческих государств, где силу исполнительного листа по наступлении срока уплаты долга получала сама синграфы. Во-первых, этим достигалось то, что взыскания производились по однообразным документам казенного образца — производство непосредственных взысканий по разнообразным на вид домашним «цидулкам», конечно, должно было вести ко всевозможным злоупотреблениям. Во-вторых, тем, что синграфы лишались значения исполнительного листа, ограждались интересы фиска. Правда, и в других местах Греции синграфы, для того, чтобы получить исполнительную силу, должна была быть зарегистрирована в присутственном месте (*ἀρχεῖον*, *χρησφυλάκίον*, *βιβλιοφυλάκίον* и т. д.), однако договаривающиеся, чтобы сэкономить на налоге, всячески уклонялись от этой регистрации; поэтому в Аркезине на Аморгте приходилось предавать суду тех, которые «не регистрируют документа у нотариуса» (*μη ὑπογραφήν ποιῶνται πρὸς τὸς χρησφυλάκας*), и лишать гражданских прав тех *εἰσαγωγεῖς*, которые поставили бы на повестку суда дела по незарегистрированным документам. Поэтому же и в Египте царям и наместникам приходилось неоднократно принимать суровые меры против обращения незарегистрированных *συνγραφαί*. Здесь даже

деть исполнительную клаузулу только там, где читается *καθάπερ ἐκ δίκης*, и полагающих, что Никарета, по прибытии в Орхомен, обратилась в суд (см. ниже). Goldschmidt («Zeitschr. f. Rechtsgeschichte» 10, 366 ff.) и издатели «Inscr. jur. grecques» правы, когда считают укороченную клаузулу имеющей одинаковую силу с полной («Il ne faut pas attacher trop d'importance à une formule banale»). Тот же Миттейс («Reichsrecht u. Volksrecht», 71) сам справедливо обращает внимание на однообразие частных правовых норм во всем эллинистическом мире: «Das griechische Recht kennt allseits eine Exekutivurkunde, welche überall in den gleichen Formen und mit gleichen Wirkungen ausgestellt wird». Во всяком случае, выражение *πρῶτος ὁ ἀν τρώπων βούληται*, вытеснившее формулу *καθάπερ ἐκ δίκης*, также и в папирусе Finders Petrie I, 84a (*ἡ πράξις ἐκ τῶν ὑπαρχόντων, τρώπων φ' ἀν βούληται*) имеет исполнительный смысл. Наиболее полная формула: *καθάπερ ἐν δίκῃ κατὰ νόμον τέλος ἐχούσης*, подчеркивающая освобождение кредитора сразу от всех судебных инстанций (Eleph. Pap. № 1, IG XII, 7, 67 B=IJC I, XV A из Аркезины на Аморгте, в последнем документе мы имеем целых три выражения: и *καθάπερ ἐν δίκῃ τέλος ἐχούσης* — I, 12—13, и *πράξει πάση* — I, 25, и *καθάπερ δίκην ὠφλητότων ἐν τῇ ἐκλήτῳ* — I, 28 — все это очевидные синонимы). Так как формула *κατὰ νόμον* сплошь и рядом соединяется с *καθάπερ ἐκ δίκης*, то в ней никак нельзя видеть указание на устранение исполнительной клаузулы и передачу дела в суд, как хочет Ваксмут, I. с.

был придуман любопытный обход регистрации включением в текст выражения: «пусть документ имеет такую же силу, как если бы он был зарегистрирован в присутственном месте»: ἡ δὲ συγγραφή χωρία ἔστω ὡς ἐν δημοσίῳ ἀρχεῖῳ καταχειρισμένη (LGU 10, 11; BGU 717); как видно из LGU 10, правительство, однако, не считалось с этой формулой и не признавало таких документов eo ipso законными. Такая же картина, вероятно, наблюдалась и на Хиосе (Aristot. — Oecon., 12: Χίος... νόμου οὗτος αὐτοῖς ἀπογράφεται τὰ χρεῖα εἰς τὸ δημόσιον). Беотийцы, лишив синграфу значения исполнительного листа и передав эту роль гиперамерии, избавились от всех этих неудобств. Ὑπεραμερία в прямом смысле означает «просрочка» (BCH XX, 323, стр. 10: ὑπεραμερία τῆς ἡμέρας ἐλάστης), но в нашей надписи оно не означает «удостоверение о просрочке», а удостоверение о том, что должник ὑπερήμερος. Ὑπερήμερος, как справедливо¹ указывает Гарпократион s. v. Ὑπερήμεροι (ср. Ρολλи x, III, 85), означает: «осужденный по суду за неуплату ἐν ταῖς ταχταῖς προδεδρίασις». Это подтверждается и словоупотреблением Демосфена (с. Lacg. 12 § 4): ἔστω ἡ πράξις... καθάπερ δίκην ἀφελήτων καὶ ὑπερημέρων οὕτων². После введения документов с клаузулой καθάπερ ἐκ δίκης слово ὑπερήμερος, естественно, получило новый смысл, так как синграфы стала равняться судебному приговору. Вот почему слово ὑπεραμερία в точности соответствует нашему понятию «исполнительный лист», грамматически ему соответствует второе название гиперамерии — ἔμπραξις (πράττειν), как мы уже видели выше, стр. 51 прим. 5, означает: «взыскивать в исполнительном порядке»³.

Подробно о характере этих гиперамерий я скажу ниже, теперь же укажу на то, что Никарета после полугода, ушедшего, вероятно, на бесплодные попытки получить деньги добром, в VIII и IX месяце третьего, считая с начала сделки, года, при феспийском архонте Эпителии, прибыла, наконец, в Орхомен и начала «взыскивать с города долг, согласно бывшим у нее гиперамериям», — πράττειν τὸ δάειον τὰν πόλει κατὰ τὰς ὑπεραμερίας τὰς ἰώσας αὐτῇ (III F. 1. 45 sq.), — конечно, не судебным порядком: это не испугало бы орхоменские власти, так как в беотийских государствах суд был послушной игрушкой в руках беотийских правительств⁴, тем более, что из надписи IG VII 3198—3199 (ср. 3301—3365) и указания Полибия (XX, 6, 1—3) можно с большой вероятностью заключить, что, исключая бывший под афинским влиянием Ороп (IG VII 399—400), в Беотии никаких особых дикастериев не существовало, а судебные функции принадлежали той же коллегии из 7 ἀρχόντων (Ρολυб., XX, 6, 2) — 3 полемархов и 4 синдиков⁵, которые были ответственны за все государственные дела, в том числе и за уплату долга, и являлись, таким образом, одновременно и ответчиками и судьями. Никарета, конечно, имея в руках «эксекутивный контракт», начала πράττειν τὸ δάειον более простыми и действительными средствами, теми средствами, которые на образном языке греческих документов

¹ Это не частный смысл, как полагают изд. «Inscr. jur. grecques» (стр. 289), а основной смысл.

² Это место Демосфена имеет, по моему мнению, пропуск; его надо читать так: ἔστω ἡ πράξις τοῖς δάεισιν: <ἐξ αὐτῶν τῶν δάεισιν αὐτῶν> καὶ ἐκ τῶν τοῦτων ἀπάντων...

³ Гиперамерия — исполнительный лист — в Беотии засвидетельствована, кроме Орхомена, еще для Лебадеи (IG VII 3054, в форме ὑπεραμερία), но была в ходу, конечно, всюду, так как нотариат был организован по всей Беотии однообразно (см. ниже).

⁴ См. мой «Беотийский союз», СПб, 1914, стр. 187, 255.

⁵ «Беотийский союз», стр. 167.

называются «хозяйничанье» (οἰκονομία)¹ («Inscr. jur. grecques» 37 из Дримен в Фокиде; Par. Rein. 7 из Акориса = Mitteis-Wilcken, Chrest. II, 2, № 16, 31 сл.). Мы уже указали, что πράττειν значит взыскивать в исполнительном порядке. Когда ответчиком являлось частное лицо, то πράξις заключался в причинении ему всяческих затруднений наложением запрещения (ἐνεχυράσια) на самые необходимые вещи обихода. Если истец видит, что ответчик обрабатывает поле, он совершает «набеги», хатаδρομάς (Mitteis-Wilcken, II, 2, № 26—27) и «опечатывает» (ἐνεχυράζει) соху, борону и т. д., приостанавливая таким образом работу в самое страдное время. Если у домовладельца есть договор об арендной плате, составленный в форме синграфы, то он в случае неуплаты квартирных денег закрывает колодец, снимает двери, разнимает черепичную крышу (την θύραν ἀφέλη, τον κέραμον ἀφέλη, τὸ φρέαρ ἐγκλείσθη, Бион у Stob. Serm. V, 67, p. 127 M., цит. у Thalheim-Hermann—Lehrb. d. gr. Alt. II, 14, 100); в тех случаях, когда истец сам не был в силах проделать подобные вещи, он обращался за помощью к чиновнику, носившему в большинстве греческих государств название πράκτωρ (например Par. Magd. 23: γράφας τῷ ξενικῷ πράκτορι πράττειν καὶ ἀποδοῦναι μοι). Это было особенно необходимо, когда истец считал для себя необходимым производить взыскание (πράττειν) не с имущества (ἐκ τῶν ὑπαρχόντων), а ἐξ αὐτοῦ τοῦ δανειζομένου, т. е. посадить ответчика (также без суда) в долговую тюрьму. Но к этому прибегали редко, так как это было сопряжено с большими расходами для кредитора (на содержание заключенных) и лишало должника возможности изыскать средства для уплаты долга. Перенести дело в суд ответчик мог только в том случае, если он предъявлял истцу уголовное обвинение в подделке или получении путем обмана или насилия синграфы. Так, в Par. Rein. 7 из Акориса (= Mitteis-Wilcken, II, 2, № 16, 31 сл.), истец пытается πράττειν по синграфу, по которой ему уже уплачено. Ответчица подает прошение с изложением обстоятельств дела и просит, чтобы с момента получения истцом копии прошения и до суда «истец не имел права ни на какое взыскание с меня никаким способом... чтобы до этого времени он не имел права ни на какое хозяйничанье» (μηδενίαν εἶναι αὐτῷ παρ' ἐμοῦ πράξις κατὰ μηδέν) κα τριπῶν... μέχρη δὲ τοῦτου μή ἐξῆ αὐτῷ... [μηδενίαν οἰκονομίαν κατ' ἐμοῦ ποιέσθαι μηδὲ περιπαῦ με]). Вдобавок она требует, чтобы истец заложил «у судебного пристава по делам иностранцев» (τῷ ξενικῷ πράκτορι) полагающийся штраф (πρόστιμον). Πράττειν с государства было, конечно, несколько труднее. Римский офицер Скантий мог, конечно, с отрядом всадников напасть на Саламин и осаждать βοολή в течение стольких дней, так что некоторые булевты умерли с голоду (Mitteis, Reichsrecht u. Volksrecht, 419). Для Никареты такой образ действий был, конечно, невозможен; с другой стороны, она не выговорила себе права налагать ἐνεχυράσια на имущество каждого отдельного гражданина, как сделал Праксикл в Аркезине (IG XII, 7, 67 В). Однако и у нищего Орхомена был ряд общепользованных государственных сооружений, и даже не покушаясь на самое необходимое и не доводя население до крайнего раздражения, Никарета могла чувствительно беспокоить орхоменцев. Так, из хорсийской надписи SEG III, 342² нам известно, что Фисбийское государство, когда Хорсийское государство оказалось не в состоянии

¹ Не следует ли рассматривать это выражение как ироническое, но настолько укоренившееся, что оно проникло в прошения к официальным лицам.

² Впервые опубликована Паппадакисом в «Arch. Δελτ.» VIII, 1923, 182 сл., № 1.

уплатить ему долг по гиперамерии, стало на законном основании «в силу гиперамерии» (*κατὰ τὴν ὑπεραμερίαν*) препятствовать ему снимать плоды и жатву с казенных садов и полей; хорсийцы были вынуждены дать новое обязательство об уплате долга с процентами в рассрочку в течение 11 лет, а фисбийцы за то обязались прекратить свои репрессии: *ἃ δὲ πόλις Θισβείων ἰαίτω τὴν πόλιν Χορσίων καρπίδδεδεῖν τὴν χώραν... [καὶ μετὶ] ἐπιχωλιέτω κατὰ τὴν ὑπεραμερίαν.*

Но это могло себе позволить Фисбийское государство. Для отдельного гражданина такой способ был делом небезопасным, требовавшим известного такта; вот почему Никарета, имея возможность передать документ другому лицу (синграфа действительна на предъявителя, см. ниже), тем не менее поехала в Орхомен сама. Принятые ею меры подействовали, и ей удалось добиться того, что, во-первых, полемархи и казначей вынуждены были дать ей от своего собственного имени (*τὸ πολέμαρχο καὶ ὁ ταμίης ἀναγκάσθεν ὀφείναι κατὰ αὐτὸ αὐτῶν*, т. е. *αὐτοὶ κατ' αὐτῶν*) обязательство с правом экзекутивного взыскания, *σοῦνγραφεύη*¹, — полемархи и казначей, не в пример нищей государственной кассе, были обыкновенно людьми богатыми, а сумма в 18 тыс. драхм была настолько незначительной, что Никарета могла считать себя вполне обеспеченной. Во-вторых, полемархи и казначей оградили свое личное благополучие от Никареты тем, что народ постановил на этот раз произвести² немедленную уплату не только из собственно казенных сумм (которых не имелось), но из всех государственных денег (*πῶρον δ'εἶμεν ἐν οὗτο ἀπὸ τῶν πόλιος ποδοσφαιμάτων πὰ υ τ φ υ* (*ποδοσφαιμάτων* = *προσόδων*), т. е. и из священной казны богов, в которой всегда водились деньги³.

Только это толкование дает нам возможность понять, почему в предварительном соглашении (*ὁμολογία*, VII) сроком уплаты долга с новыми процентами назначен (как и в гиперамериях для предыдущего года) месяц Алаккомений (XII), тогда как в заключенном на основании этой *ὁμολογία* экзекутивном контракте с полемархами (*σοῦνγραφος*, VI A) сроком уплаты назначен праздник Памбеотий, т. е. X месяц года. Священная казна могла расходоваться только на культовые нужды, поэтому

¹ Этот контракт был заключен на сумму 18 833 драхм, тогда как общая сумма долга к месяцу Алаккомению архонтата Ксенокрита равнялась 17 585 $\frac{1}{3}$ драхмы. Таким образом, за год начислено процентов всего 1 248 $\frac{1}{3}$ драхмы, т. е. 7 $\frac{1}{10}$ %, — процент крайне низкий по тогдашним понятиям. Во всяком случае, эта низкая процентная сумма служит доказательством того, что в гиперамериях долг исчислен вместе с процентами; в противном случае оказалось бы, что Никарета начислила по 2 $\frac{2}{3}$ % годовых, что уже совершенно нелепо.

² Слова в стр. 46 сл. (147 и сл.): [*ἐν τῇ κα ἐνευχθείσει ἃ ἀνφορὰ ἐν οὗτο καὶ τῇ κομίττει*] (sc. *Νικαρέτα*) τὰ σοῦνγραφειθέντα χρήματα, как справедливо указывает С. D. Buck — Introduction to the study of the greek dialects, N. Y. 1910, стр. 200, относятся к предыдущему: *ἀναγκάσθεν τὸ πολέμαρχο... ὀφείναι... σοῦνγραφου*, причём *ἐν τῷ* означает: «до тех пор, пока» (подразумевается: *ἀμέραν*); *ἐν οὗτο* означает: «для этой цели». Видеть в *ἃ ἀνφορὰ* налог, специально введенный для уплаты долга Никарете, невозможно, так как о нем не могло бы быть упомянуто в декрете (и во всей надписи) только мимоходом; больше уже оснований переводить *ἀνφορὰ* — «средства для избавления (от тяжелого положения)» ср. P l u t. — Phoc. 2, 14 Sint.: *τῶν πραγμάτων ἀναφορὰν ἀμαρτήματος οὐκ εὔρητων*. Скорее всего это просто «взнос», «поступление». Нельзя также дополнять в 1.50 (151) *κομίττει*] (= *κομίσατ*, inf. aor. act.), а необходимо читать *κομίττει*] (= *κομίσει*, conj. aor. act.) и связать с *κα* и с *ἐνευχθείσει* (возможно и *κομίττει*], conj. aor. med.).

³ См. мой «Беотийский союз», стр. 208 сл.

выражение $\epsilon\delta\alpha\upsilon\sigma\iota\sigma\epsilon\upsilon\ \epsilon\iota\varsigma\ \tau\alpha\ \text{Памβοτιοτiα}$ мы должны переводить: «ссудила для (расходов на) Памбеотии»; таким образом, здесь обычный в Беотии пример фиктивного договора, где божество оказывается вовлеченным в невыгодную сделку¹. Фактически этот более ранний срок ничем, вероятно, кредиторам не угрожал, так как, сославшись на $\beta\rho\lambda\omicron\gamma\acute{\alpha}$ и свидетелей, они всегда могли потребовать судебного разбирательства и тем доказать, что фактически уплата долга была отсрочена Никаретой до Аалкомения.

Остается еще рассказать о том, как, наконец, в месяце Аалкомении втором² долг был отдан Никарете, но здесь я коренным образом расхожусь с общепринятым взглядом на этот вопрос³. По этому взгляду, орхоменский казначей Поликрит, сын Фаропа, отправился в сопровождении полемарха Афанадора, сына Гиппона, в Феспии, внес там в банк Пистокла (почему не самой Никарете, раз она уже приехала в Феспии? Об ее присутствии в тексте переводного билета, $\delta\iota\alpha\gamma\rho\alpha\phi\acute{\alpha}$, ничего не сказано) и представил эту диаграфу в феспийский тефмофилакион, где и были аннулированы все четыре гиперамерии [$\delta\iota\alpha\gamma\rho\alpha\phi\eta$ в V (H)].

С таким взглядом я не могу согласиться, так как чисто языковые соображения не позволяют мне видеть в части V (H) надписи какое-либо упоминание о феспийских тефмофилаках.

Действительно, если оставить пока в стороне наш документ и документ VIII (C), о происхождении которого (в смысле места) я скажу ниже, то в нашей надписи 6 документов: 3 орхоменских [I (D), II (E), III (F)], 1 феспийский [IV (9)] и 2 нейтральных — двусторонние договоры [V (A) и VI (B)]. Последние написаны в «интернациональном» стиле (имена как феспийцев, так и орхоменцев совершенно одинаково снабжены этниконами, первый из этих документов — $\sigma\omicron\beta\upsilon\gamma\rho\alpha\phi\omicron\varsigma$ — для придания ему большего юридического веса написан даже на $\chi\omicron\iota\nu\eta$); в первых трех, как это и естественно, орхоменцы упоминаются без этникона, а Орхомен называется просто $\acute{\alpha}\ \pi\acute{\omicron}\lambda\iota\varsigma$; наоборот, феспийцы (кроме лишь — иногда — общеизвестной Никареты) всегда упомянуты с этником, город Феспии называется не $\acute{\alpha}\ \pi\acute{\omicron}\lambda\iota\varsigma$, а $\Theta\epsilon\iota\sigma\pi\iota\tau\eta$, орхоменский архонт назван просто $\acute{\alpha}\rho\chi\omicron\nu$, а феспийский — $\acute{\alpha}\rho\chi\omicron\nu\ \epsilon\nu\ \Theta\epsilon\iota\sigma\pi\iota\tau\eta\varsigma$ и т. д. Наоборот, в феспийском документе IV (G) феспийские граждане и архонт названы без этникона⁴, а город Орхомен не просто $\acute{\alpha}\ \pi\acute{\omicron}\lambda\iota\varsigma$, а $\acute{\alpha}\ \pi\acute{\omicron}\lambda\iota\varsigma\ \text{Ἐρϋομενiω}$. Такого принципа держатся и составители других беотийских надписей⁵.

¹ См. мои этюды «Частноправовые документы эллинистической Греции», вып. 1, СПб, 1915, 3—17. Сходное положение мы имеем, повидимому, в Акрефийской надписи SEG III 359, где мы читаем, что Акрефийское государство задолжало деньги фиванцу Евклиду $\epsilon\pi\iota\ \tau\eta\ \iota\epsilon\rho\eta\ \gamma\eta\ \tau\{\acute{\omega}\}\ \text{Ἀπόλλωος}$. Как бы мы ни поняли это выражение — «под залог священной земли» или «на обработку священной земли», и в том и в другом случае эта оговорка дает Евклиду право на взыскание долга из священной казны.

² Год был високосный. Это не было специально устроено орхоменскими законами, так как календарь был общий во всем Беотийском союзе.

³ Этого взгляда держался прежде и я, «Беотийский союз», стр. 217.

⁴ $\text{Ἐγγρ\omicron}\varsigma\ \Theta\iota\omega\ \Sigma\upsilon\nu\beta\omicron\mu\omicron$ назван без этникона; значит он феспиец. Почему же Никарета, не получив долга с Орхомена, не взыскивает долг с Фиона? Поручительство Фиона могло быть чисто формальным: возможно (так как договор заключался в Феспиях), что закон требовал для жителя другого беотийского города, даже в официальном нотариальном документе, поручителя феспийца, который удостоверил бы его самоличность.

⁵ Например, IG VII, 2383, BCH XXI 557 сл., № 2 (мой комментарий в «Revue des études grecques», XXVIII, p. 51) и др.

Теперь перейдем к той части надписи, которая, по мнению ученых, представляет собой расписку секретаря феспийских тефмофилаков: διαγράφη τὰς ὀπεραμερίας τὰς Νικαρέτας ἐν Θε[ισ]πιῆς (sic!) τὰς γὰρ τὰς πόλιος (без Ἐρχομενίων!). Τῶν τεθμοφυλάκων γραμματέω; Σα... После сказанного выше вряд ли можно сомневаться, что эта расписка выдана не феспийским, а орхоменским магистратом: город Орхомен здесь назван просто ἡ πόλις, Никарета же с ἐπιχόν. Вдобавок διαγράφη никак не значит opt été gadiés, как думают издатели «Inscr. jurid. grecques» (1,281). Это — беотийское неопределенное наклонение, звучащее на κοινή «διαγράφαι», и в такой связи, как здесь, это слово может иметь смысл только повелительного наклонения. Но феспийские тефмофилаки, и никто другой, были теми магистратами, которые «хранили контракты» (ἐφοδῶντων τὰ τεθμῖα), заключенные в Феспиях, и выдавали на основании их официальные выписи — ὀπεραμερία: кому же могли они предписывать διαγράφη τὰς ὀπεραμερίας, вызвав Никарету и отобрав их у нее; их секретарь написал бы διέγραφα, а не διαγράφη. Поэтому-то издатели «Inscr. jurid. grecques» и были вынуждены перевести διαγράφη изъяснительным наклонением.

Очевидно, орхоменский казначей Поликрит, после получения билета о переводе денег Никарете — диаграфы (VIII, С), выданной банкирской конторой Пистокла, предъявил его орхоменским (а не феспийским!) тефмофилакам. Секретарь их, в ведении которого находилась официальная переписка тефмофилаков, немедленно послал в феспийский тефмофилакион вышеприведенный ордер: «Соблаговолите уничтожить гиперамерии Никареты на наш город».

Итак, в Беотии (как, вероятно, и в остальной Греции) был хорошо налаженный нотариат; во избежание громоздкости процедуры нотариусы отдельных государств постоянно непосредственно адресовались друг к другу, минуя союзные учреждения. И, тем не менее, при общепринятом понимании остальных частей надписи эта организация производит впечатление злой карикатуры на нотариат, института как бы специально предназначенного для того, чтобы затруднить коммерческие сношения. Действительно, нет ничего удивительного в том, что Никарете с ее «опекуном» (ἄβριος) пришлось поехать в Орхомен. Никакая самая идеальная организация нотариата ничем не могла бы помочь Никарете, полгода, повидимому, тщетно хлопотавшей у нищего Орхоменского государства о возвращении долга и не получившей его; ей оставалось только поехать в Орхомен и приступить к οἰκονομία. Но нельзя понять, почему в то время, как в греческом Египте денежные обороты были настолько налажены, что банковые чеки и квитанции казенных зернохранилищ принимались к уплате наравне со звонкой монетой³, в метрополии коммерческий аппарат доставляет столько неудобств и страданий договаривающимся, принуждая их к ряду разъездов; почему здесь, при существо-

¹ Если бы διαγράφη предписывалось самой Никарете, то ее имя не могло бы быть упомянуто в документе в третьем лице.

² Совершенно невероятно, чтобы она возила с собой, кроме мужа, еще 7 свидетелей-феспийцев, указанных в документах VI (А) и VII (В). Думаю, что эти лица временно или постоянно жили в Орхомене во время приезда туда Никареты. Во всяком случае, документы эти написаны в Орхомене, а не в Феспиях; не могла же вся коллегия высших должностных лиц — 3 полемарха — бросить управление государством и поехать in corpore в Феспии, а относительно них определенно сказано, что они «присутствовали», παρῆσαν (1. 30/1. 53). Ср. сказанное ниже.

³ Preisigke — Girowesen im Griechischen Ägypten. Strassburg, 1910.

вании стройной организации нотариальных контор, тем не менее для уплаты небольшого долга в 18 тыс. драхм необходимо было проделать следующие бессвязные и бессмысленные акты, напоминающие игру в жмурки: 1) дежурный казначей¹, переобремененный непосредственным надзором за всеми выдачами и получками государственной кассы, и полемарх, бывший в одно и то же время министром, членом городской управы, судьей, священнослужителем и военачальником, должны были бросить все свои дела и ехать за 30—40 км только для уплаты 18 тыс. драхм; 2) прибыв в Феспии они, вместо того, чтобы передать тем или иным способом долг кредиторше, у которой были на руках гиперамерии, почему-то вносят его в банк Пистокла в ее отсутствие; 3) хотя они и были в Феспиях, они не воспользовались этим случаем, чтобы зайти в феспийский тефмофилакион и там непосредственно погасить векселя (*διαγράψαι τὰς ὑπεραμερίας*), потребовав вызова Никареты; вместо этого они немедленно же возвращаются в Орхомен и представляют документ орхоменским тефмофилакам, которые уже от себя просят феспийских тефмофилаков *διαγράψη τὰς ὑπεραμερίας*.

Весь этот абсурдный ход дела окажется простым недоразумением, если мы допустим, что у феспийского банкирского дома Пистокла была контора, отделение или представитель в Орхомене. Тогда окажется, что и в метрополии был очень недурной аппарат для международных денежных оборотов. Казначей и полемарх, после того как с разрешения *ἄρχοντος* был сделан налет на «священную казну», оказались обладателями необходимой суммы и, отправившись к орхоменскому представителю феспийской банкирской конторы Пистокла, внесли ему сумму долга, и он выдал им переводной билет — *διαγραφή*². Нас не должно смущать, что в этой *διαγραφή* номенклатура большей частью феспийская, а не орхоменская (орхоменяне с этниконом, Никарета — без) — ведь она выдана феспийским гражданином от имени феспийского же банкирского дома. Однако «феспийская» номенклатура здесь не выдержана: мы читаем *διὰ τραπεῖδας τὰς Πιστοκλείας ἐν Θεισπιῆς*, *Ἐπιτέλος ἀρχοντος ἐν Θεισπιῆς*, что было бы излишне, если бы документ был выдан в Феспиях. С этой *διαγραφή* казначей и полемарх направились к орхоменскому же тефмофилаку, и только он вступил уже в сношения с Феспиями, чтобы добиться уничтожения находящихся у Никареты гиперамерий. Коммерческий аппарат был настолько налажен, что для орхоменцев копия ордера своих тефмофилаков служила уже достаточным доказательством для уплаты долга.

Теперь сопоставим скудные свидетельства древних авторов и надписей, касающиеся беотийских тефмофилаков, чтобы составить себе ясное представление об организации и сфере деятельности тефмофилакионов.

У Плутарха (Quaest. Graecae, VIII, 292 D = Moralia, II, 339, 5 Nachst.) мы читаем: *Τίς ὁ παρὰ Βοιωτοῖς «πλαφυεῖτας»*³—*Τὸς οἰκίαι γεμισθῶντας ἢ χωρίους*

¹ Он дежурил в течение 4 месяцев.

² Точно таким же порядком делались денежные переводы в Египте. В Pap. Rein. 7 (= Mitteis-Wilcken, II, 2, № 16) ответчик переводит деньги через банк Сотиона. Употреблен глагол *διαγράφειν*, соответствующий беотийскому *παράγραφεμεν* (но и по-беотийски переводной билет — *διαγραφή*), а самый переводной билет в Египте называется не *διαγραφή*, а *τὸ τῆς τραπεῖδος σύμβολον*. Вся процедура совершенно одинаковая.

³ *πλατοχαίτας* codd.; *πλατοχέτας* Schneider, *πλαφυεῖτας* Ahrens. Читаю *πλαφυεῖτας* или *πλατοχεῖτας*; (по-беотийски *πλάτιον* = *πλησίον*, *φυεῖτας* = *οἰκίτης* житель).

ὄμορποντας, αἰολίζοντες ὁῦτω χαλοῦσιν ὡς [τὸ] πλησίον ἔχοντας¹. Παραθήσομαι δὲ λέξιν μίαν ἐκ τοῦ θεσμοφυλάκτου νόμου, πλείων ὁδῶν. «Кто называется у беотийцев «плавикитом»? Они называют так по-эолийски соседей по дому или имеющих общие границы полей, так как они «живут близко друг к другу». Я удовольствуюсь приведением этого одного слова из закона о фесмофилаках, хотя таких слов там много». Это место Плутарха дает нам два интересных указания:

1. Организация тефмофилаков регулировалась общебеотийским тефμοφυλάκτιος νόμος и, следовательно, была одинакова во всех беотийских государствах. Это, конечно, значительно облегчало коммерческие сношения. Обратим еще внимание на то, что в синграфе, приведенной в нашей надписи (VI, A), несмотря на то, что истица и ответчик — граждане различных государств, отсутствует обычное в таких документах выражение: ἡ δὲ συγγραφή ἦδε χωρία πανταχῆ ἐπιφερομένη (например, папирусы Mitteis-Wilck. II, 2, 35 и 47 и др.) или в более полном и ясном виде: ἡ δὲ συγγραφή ἦδε χωρία ἔστω πάντη πάντως ὡς ἐκεί τοῦ συναλλάγματος γεγενημένου ὁποῦ ἂν ἐπεγέρεται (Pap. Eleph. I). Рубензон в примечании к этому папирусу справедливо обращает внимание на то, что, по греческому взгляду, всякие договоры имели силу только в пределах того πόλιος², где они были заключены. Беотийский союз в области гражданских частнопровых отношений представлял собой единое целое³ и в подобных оговорках не нуждался.

2. Из глоссы πλαφυλακίας ясно, что у тефмофилаков заключались крепостные акты на землю; это слово показывает, что речь шла о межевых спорах или разделе земельного имущества. Далее, надписи IG VII 2415—2416 из Платей показывают, что во II в. н. э. платейский тефμοφυλάκτιος назывался уже χρεωφυλάκτιος. Этот перевод с беотийского на κοινή очень поучителен. Самым простым напрашивающимся переводом было бы, конечно, тефμοφυλάκτιος = θεσμοφυλάκτιος. Но это было бы неверным переводом, так как слова θεσμός и θέσμιον на κοινή и вообще вне Беотии означают νόμος (например, в обычных выражениях θεσμοθέτης, θεσμοφόρος), так что θεσμοφύλακτες = νομοφύλακτες, т. е. высшие государственные магистраты, надзирающие за правосудием или сами производящие суд³; между тем, в Беотии это были чиновники второго ранга, исполнявшие всего только обязанности нотариусов. Объясняется это тем, что по-беотийски τέθμιον означает не «закон», а «документ, договор, составленный по законной форме», то же, что в κοινή — συγγραφή. Отсюда тот магистрат, который в греческом Египте назывался συγγραφοφύλαξ, в Беотии назывался тефμοφύλαξ. Поэтому составители надписей IG VII 2415—2416 не могли перевести беот. тефμοφυλάκτιος, «договорохранилище», словом θεσμοφυλάκτιος, означающим в κοινή «присутственное место высшего магистрата, надзирающего за законностью», и перевели его словом χρεωφυλάκτιος: так назывались

¹ τὸ πλείστον codd. Читаю πλησίον. ἔχοντας-οἰκοῦντας или γῆν καὶ οἰκίαν ἔχοντας, ср. Xen. Anab. VII, 8, 21: κόμας ὑπὸ τὸ Παρθένιον ἔχούσας, Cyr. IV, 2, 2: οἰ κατὰ τῆν Ἀσίαν ἔχοντες.

² См. мой «Беотийский союз», стр. 52, мою заметку в «Revue des études grecques», XXIX (1916), 52.

³ Таковы, например, элидские θεσμοφύλακτες в договоре афинян с пелопоннесцами у Фука. V, 47, 9.

повсеместно в Греции присутственные места, где хранились долговые обязательства¹.

Уразумение смысла слова *τέθμιον* на беотийском диалекте дает нам право отвергнуть понимание и перевод текста 4 гиперамерий, сделанный проф. В. В. Латышевым («О некоторых эолических и дорических календарях», СПб, 1883, 67 и прилож.) и поддержанный издателями «Inscr. jurid. grecques» (I, 281). Текст этих документов, я полагаю, надо пунктуировать так:

Ξενοκρίτω Ἀλαλομενίω

Νικαρέτα Θίωνος. Τὰς πόλιος Ἐρχομενίων κη τῷ ἐγγῶθι Θίωνος Συννόμῳ. ΤΑΠ-
ΠΑΜΑΤΑ. μούρη ὀδοσεύοντα и т. д. κη Τῷ ΤΕΘΜΙῶ ΦΙΣΤῶΡ Ἀριστόνικος Πραξι-
τέλειος. Αἰουχίσκῳ Θιουίῳ ΤΟΣΟΓΝΑΛΛΑΓΜΑ.

Эти документы в виду бессвязности, отсутствия сказуемого и пр. могут быть только точной копией записи в казенный реестр², которая должна была иметь, примерно, такой вид:

Ξενοκρίτω Ἀλαλομενίω

Δανιστάς	Πράττει ἐς	Τάππάματα	Τῷ τεθμίῳ Φίστωρ	Τῷ σουνάλλαγμα
Νικαρέτα Θίωνος	τὰς πόλιος Ἐρχομενίων κη τῷ ἐγγῶθι Θίωνος Συννόμῳ	Μ ΓΓΔΔΔΠΙΙ	Ἀριστόνικος Πραξιτέλειος	Αἰουχίσκῳ Θιουίῳ
Νικαρέτα Θίωνος	τὰς πόλιος Ἐρχομενίων κη τῷ ἐγγῶθι Θίωνος Συννόμῳ	ΧΧΓ	ὁ αὐτός	Αἰουχίσκῳ Ὁμοκίῳ

¹ Так, например, хреофилакионы для хранения долговых обязательств, кроме Египта, были в Термессе (Писидия, ВСН, XXIII, 183, № 42), в Иерусалиме (Joseph, *Bell. iud.*, II, 427; здесь народные массы напали на *χρεωφύλακιον*, *σπεύδοντες τὰ συμβόλαια τῶν δεδανειχότων καὶ τὰς εἰσπράξεις ἀποκόψαι τῶν χρεῶν*), в Полиррении на Крите (ВСН, XIII, 68). Этот городок интересен тем, что он был в особо близких отношениях с Беотией; см. декрет-письмо фиванских *ἀρχοντες, συνέδριοι* и народа к полирренийцам (ВСН, XIII, 68): на этом декрете изображен тот же щит, изображение которого мы видим на монетах как Беотии, так и Полиррении. В надписи ВСН, XIII, 68 я дополняю: 1 1: ἀποδ[όντων] или [οὐκ] ἀποδ[ιδόσιν], 1. 2: τιμὴν ἰχ[οσι]τ, ср. *Par. Magd.* 31 τιμῆ[ς] χαλκοῦ Γ ε, ἀπαιτούμενος ὑπὸ μου τὴν τιμὴν [οὐκ] ἀποδίδωσι. L. 3 читается: *χρεωφύλακιον. Ταλθυβίου τοῦ Βιάθθο[υ].* Дополнить: *ἐκ τῶν ὑπαρχ[όντων αὐτοῖ, πραττοῦ]σι καθάπερ ἐκ δίχης* или *κατὰ νόμον*. Таким образом, здесь, повидимому, — *συγγραφή*, зарегистрированная в хреофилакионе.

² Ср. J. Goldschmidt — «*Zeitschr. für Rechtsgeschichte*» 23, 364 пр. 2: «(тефмофилаки) — *Beamten, welche ein Verzeichnis der nicht bezahlten fälligen Schulden hielten*»; E. Rabel, *ibid.*, 41(28) 323—325: «*ὑπεραμερία*» «*Verzugsurkunden, Abschriften aus dem Register der τεθμοφύλακες von Thespiai*»; издатели «*Inscr. jurid. grecques*», 289: «*la copie exacte du registre*» «*ὑπεραμερία*»).

При снятии копии писец прежде всего поместил общий заголовок страницы казенного журнала-реестра, куда занесены были интересующие нас записи¹. Это, конечно, месяц и число — срок «протестованного векселя»: Ξενοκρίτω Ἀλαχομενίω. Далее переписаны записи в отдельных графах, относящиеся к делу истицы, причем для ясности в 3-й и 4-й графе выписаны и заглавия граф (иначе было бы, например, непонятно, кто такой Ἀριστόνικος Πραξιτέλιος). Для большей связи последняя графа² присоединена к предыдущим союзом καὶ, что и послужило причиной затруднения и ошибки Латышева и редакторов «Inscr. jurid. grecques», читающих так³: τὰπλάματα Μ ΓΑΔΔΠΙ καὶ τῷ τεθρίω. Εἶστωρ ὁ δεῖνα, т. е.: «сумма долга 10085 др. 2 об. и законный (sc. процент, gen. part.). Свидетель такой-то». Это объяснение, как мы видели, не годится, так как τεθρίω означает по-беотийски «договор, написанный по законной форме»; а не процент (процент и по-беотийски, как и в κοινή, τόκος, как мы видим из ряда надписей, см. Index в IG, VI). Таким образом, надо связывать τῷ τεθρίω с Εἶστωρ; затруднившее Латышева καὶ нам тоже удалось объяснить.

И все же, кто такой τῷ τεθρίω Εἶστωρ? Гиперамерии, как мы видели, официальный документ, имеющий силу исполнительного листа. Мыслимо ли, чтобы такой документ не был снабжен подписью официального лица, выдавшего его, а только подписью одного свидетеля? Ведь даже квитанция об уничтожении их подписана секретарем тefмофилаков (V H, 77/178). Далее: в беотийских контрактах чаще всего 4 Εἶστωρ; (IG VII 1779—1780 из Феспий, IG VII 2872 из Коронеи, IG VII 3080—81 из Лебадеи, IG VII 3173 из Орхомена и др.), реже свидетелей 6 (IG VII 3376 из Херонеи) или 7 (наша надпись, VI A 115/38 = VII B, 165/88 и сл.). Но нет случая, чтобы, как в наших гиперамериях, довольствовались только одним свидетелем⁴, — очевидно, это какой-то квалифицированный Εἶστωρ. И в этом случае нам приходит на помощь аналогия греческого Египта. Здесь, как мы знаем, беотийским тefмофилакам соответствовали συγγραφοφύλακες. В папирусе P. Petr. II, 21, col. 1 (=Mitteis-Wilcken, II, 2, 24, № 28) 1, 21, синграфофилак официально именует себя μάρτυς:

¹ Что денежные записи велись в Беотии в журнальном порядке, видно из отчетов феспийских же казначеев катоптам IG VII 1737—1738. В этих отчетах не подведен почему-то отдельно общий итог приходу и расходу (как, например, в обработанном отчете IG VII 2426); они представляют собой простую копию с денежного журнала казначеев. Ср. мой «Беотийский союз», стр. 220.

² Δουχίσχω θισίω τὸ συνάλλαγμα и под. представляет собою «nebensächliche Randbemerkung» чисто справочного характера; оно не имеет юридического значения, почему и помещено после подписи: действительно, как я показал выше, в сумму долга, τὰπλάματα (plur. τὰπλάματα в наших гиперамериях, скорее всего, объясняется тем, что писец скопировал общий заголовок графы: «τὰπλάματα», «суммы»), были уже включены проценты, так что время заключения συνάλλαγμα не играло никакой роли.

³ Впрочем, искусственность перевода Латышева отмечена все же редакторами «Inscr. jurid. grecques», I, 294, пр. 2. Все прочие ученые связывают τεθρίω с Εἶστωρ.

⁴ Греческое правосознание требовало для действительности документа наличия нескольких свидетелей. Ср. Plato, Leges, XII, p. 953e: ...τῶν πραξίν πάντων διομολογούμενος ἐν συγγραφῇ καὶ ἐναντίω μαρτύρων μὴ ἑλαττον ἢ τριῶν ὅσα ἐντὸς χιλίων, τὰ δ' ὅπερ χιλίας μὴ ἑλαττον ἢ πέντε. Другое дело, конечно, казенные нотариальные документы (δημόσιοι χρηματισμοί); здесь ни в каких свидетелях нет нужды: «Zeugen werden bei ihnen nur selten zugezogen, ja in der ptolemaischen Zeit fehlt sogar die Unterschrift der Parteien» (Mitteis-Wilcken, II, 1, 152).

ἐπὶ συγγραφῇ», выступая на суде, куда он вызван для дачи показаний об обстоятельствах заключения долгового обязательства. Точно так же в Pap. Petrie I, 24 некий Ὀὐδανᾶς, дающий показания по тому же поводу, употребляет то же выражение, что и в первом папирусе: ἐπευράφη μάρτυς εἰς συγγραφῇ. Ввиду полной аналогии обоих случаев и ввиду того, что именно Уданаей, и не кто-либо иной, читает суду текст συγγραφῆς, надо полагать, что он также был συγγραφοφόρος. Если мы вспомним, что μάρτυς=беот. Γίστωρ, а συγγραφῆ=τέθμιον, то станет ясно, что τέθμιον Γίστωρ и есть тефмофилак¹.

Thalheim (у Hermann'a — Lehrb. d. Ant. II, 14, 109) обращает внимание на то, что синграфы стала «zum gefürchteten Werkzeug in der Hand der Geldwucherer». В Беотии такой роли синграфы не играли, здесь эта роль принадлежала гиперамерии. Причина такого значения синграфы (на что не обратил внимания Тальгейм), заключалась в том, что синграфы вне Беотии, а в Беотии гиперамерия, была действительна на предъявителя², и для этого не требовалось никакой именной передаточной надписи. Правда, в науке господствует обратный взгляд. Так, Дарест полагает: «Il existait une obligation pour le porteur de prouver sa qualité de mandataire» (BSN, VIII, 375). В «Inscr. jur. grecques» этот взгляд несколько смягчен (р. 300): «En cas de contestation, il aura sans doute l'obligation de prouver sa qualité de mandataire»³.

Но этот взгляд неверен, иначе какой смысл имело бы для воров похищать συγγραφαί? А между тем, такие случаи бывали. В Pap. Tebt. I, 52 (114 г. до н. э.) читаем: ἐπιβαλόντες εἰς τὸν ὑπάρχοντά μοι οἶκον (οἱ δεῖνα) φῆγοντο ἔχοντες τῆν τῆς οἰκίας μου συγγραφῆν καὶ ἕτερα βιωτικά σύμβολα⁴. «Вторгшись в принадлежащий мне дом (такие-то) ушли, взяв синграфу на мой дом и другие документы, с которых я живу». Еще интереснее P. Tebt. II, 32, где проситель сообщает, что вор похитил у него в числе других вещей «συγγραφῆν ἣν εἶχον ἐπὶ οἴτῳ δεδαῖνει(σμένῃ?)» ἐπὶ δρ. 720, ἃς καταβᾶς ἐχέχομιστα⁵. Если бы требовалась передаточная надпись, то ограбленным нечего было бы беспокоиться, так как воры, не имея возможности

¹ Ср. В. Busolt — Griech. Staatskunde, 1920, 333. Anm. 1: «II. XVIII, 511: ἀμφὸ δ'ἰεσθῆν ἐπὶ ἴστορι πείραρ ἐλέσθαι. Istor ist zunächst der Kundige, der wissende, Hes. Erg. 792, Sophoc. El. 850, Plat. Cratyl. 406 B, 496 C. Der Kundige kann, wie II. XXIII, 486, zugleich Zeuge und Richter sein. In diesem Falle ist Istor der kundige Schiedsrichter; Lipsius, Leipz. Stud. 12 (1890), 225 ff.; Attisches Recht, I 4; Hirzel, Themis, 65».

² На это обычно указывается в тексте синграфы (как, например, в синграфе нашей надписи). Если такой клаузулы нет, то она подразумевается (Darrest, BSN, VIII, 375). Иначе Thalheim (о. с. 106): «Es bedurfte ausdrücklicher Festsetzung in dem Vertrage». Неправильно.

³ В сущности, это одно и то же: ответчик всегда заинтересован в том, чтобы создать истцу максимум формальных препятствий: «le cas de contestation» будет налицо в каждом случае взыскания. В действительности onus probandi неблоросовестного приобретателя синграфы лежал не на истце, а на должнике и на старом кредиторе.

⁴ Σύμβολα=συμβόλαια, ср. беот. надп. IG, VII, 2383. дополн. в «Wiener Stud.», XXIV, 1902, стр. 279 сл. 1. 8: διλα[ς] ἑωσας τῆ πόλι ἀμέων [χ]ᾶ[τ] τὸ [σ]ο[μ]β[ο]λ[α] τὸ ποτ' αὐτῶς. Ср. Appian.-Bell. civ. II, 132; Dio Chrys. I, р. 16 (договор, обязательство). Просительница была рантье и жила процентами с капитала, отданного под σύμβολα (συγγραφαί δανείου), ὑποθήκαι, ὑπαλλάγματα и т. д.). Отсюда βιωτικά σύμβολα.

⁵ Издатель Pap. Tebt. замечает к этому месту: «A legal document with some sort of order upon debtors? I do not understand it». Емв. очевидно, неизвестно, что синграфы, как экзекутивный договор, была «a sort of order upon debtors».

пустить в ход именной документ, либо уничтожили бы его, либо отослали бы назад пострадавшему.

Итак, синграфы, гесп. гиперамерия, давала всякому, кому она попала в руки, право чинить при помощи *ἐνεχυράσια* всякого рода обиды и неприятности просрочившему должнику. Таким образом, «der entwickelte Geschäftsverkehr der späteren Zeit machte es notwendig, dass der Gläubiger sich durch eine dritte Person vertreten liess» (Thalheim, о. с. 106), но, с другой стороны, это право, упрощая коммерческие сношения, служило причиной тяжелых злоупотреблений. Действительно, не могло быть недостатка в недобросовестных людях, которые в целях вымогательства уклонялись от получения долга и продолжали самую бесчеловечную *οἰχονομία* или даже продолжали «хозяйничать» (*οἰχοῦμαι*) с «векселем» (*ἑπηρερία*) в руках, несмотря на то, что причитающаяся им сумма была внесена на их счет в банк. Одной отметки об уплате в книге тефмофилакиона было недостаточно, так как владелец гиперамерий, имея их на руках, мог продолжать свои самоуправства до тех пор, пока ответчик не вызовет его в суд и не докажет незаконность его действий. Иногда, впрочем, и возвращения должнику или уничтожения гиперамерий могло оказаться недостаточно, так как недобросовестный кредитор мог явиться на суд (с лжесвидетелями) и доказывать, что гиперамерии уничтожены или попали к должнику случайно, ссылаясь на запись в тефмофилакионе. Поэтому, например, в лебадейской надписи IG VII 3054, после того, как государственный кредитор был так или иначе удовлетворен лебадейцами, с ним заключается соглашение на том условии (*ἐφ' ὅ*), чтобы: 1) город получил назад гиперамерии (*τῆ πόλις τὰς ἑπηρερίας λάβῃ*) и 2) чтобы кредитор переписал гиперамерии на новый срок (*καὶ ἐπιγράψῃ Φανῆσι... τὰς κατ' πόλιν ἑπηρερίας*); здесь употреблен глагол *ἐπιγράφειν*, а не *διαγράφειν*, вероятно, потому, что Ванаксион не перестает быть кредитором города; он только обменивает старые обязательства города на новое, которому не вышел срок, т. е. город уже не *ἑπηρερός*; поэтому в тефмофилакских книгах надо было не *διαγράφειν τὰς ἑπηρερίας* (аннулировать), а только *ἐπιγράφειν* (сделать приписку).

Точно так же и отдача долга Никарете не кончилась на том, что феспийские тефмофилаки «аннулировали гиперамерии» (*διέγραψον τὰς ἑπηρερίας*) Никареты в своих книгах, согласно ордеру (V, H) их орхоменских коллег. Они потребовали у Никареты бывшие у нее на руках гиперамерии и, вероятно, через орхоменских тефмофилаков вернули их должникам, получившим таким образом возможность снять с них копии для нашей надписи. Никарета, конечно, немедленно вернула гиперамерии, в противном случае она, согласно *ὁμολογία* VII (B), должна была бы уплатить штраф в 50 тыс. драхм¹.

Понятно, почему такой случай был предусмотрен: гиперамерия, как мы видели, открывала широкое поле для злоупотреблений.

¹ Так же в орхоменской же надп. IG VII 3173: [*ἡ δὲ καὶ μετὰ διαγράφῃ, ἀποτίσασθαι*] διπλασίαν τὴν εἰσπράξιν (т. е. двойную сумму иска) τῇ πόλι. И наоборот, если город не уплатит в срок, то Вифиад обязан отдать Никарете и синграфу и гиперамерии, т. е. она получит долг в двойном размере, как справедливо толковал эту клаузулу G. De Sanctis («Rivista di Filologia», 1925, 78 sq.; возражения P. Roussel, «Revue des études grecques», 39, 1926, стр. 269, мне кажутся неосновательными).